

кода *лиятнеяк* 'как и другие' обобщается как союз *кода* плюс местоимение. Но здесь налицо и частица *-як*; с. 114: *одирьвантъ*, (виздича) *тейтерькантъ* — формы существительных, а не прилагательные.

В заключение необходимо подчеркнуть, что рецензируемая работа — это серьезное, глубокое исследование, знаменующее новый аспект в изучении мордовских языков. Основные ее положения

будут несомненно использованы исследователями других финно-угорских языков при типологической характеристике соответствующих проблем. Результаты работы применимы и в преподавании мордовских языков, а также при составлении учебников и учебных пособий для высших учебных заведений и школ Мордовии.

Д. Т. НАДЬКИН, М. В. МОСИН
(Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1988.1.17>

А. С. Ефремов, Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1986.

12 марта 1987 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском университете состоялась защита кандидатской диссертации А. С. Ефремова «Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора)». Работа выполнена под руководством доктора филологических наук профессора П. Аристе. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор И. С. Галкин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук М. В. Мосин (Саранск).

В последние три десятилетия марийская лингвистическая наука характеризуется весьма интенсивным развитием. Между тем на разных уровнях марийского языка до сих пор остается много проблем, требующих неотложного решения. Одному из уязвимых с точки зрения устойчивости разделов лексики — ономастологии — посвящена рецензируемая работа: флористическая терминология до сих пор специально не рассматривалась.

Актуальность исследования А. С. Ефремова вызвана следующими обстоятельствами. Во-первых, ботанические названия исчезают или заменяются новыми значительно быстрее других тематических групп, что создает возможность исчезновения фактов и явлений, свидетельствующих об особенностях формирования и исторического развития лексической системы языка, об истории материальной и духовной культуры его носителей. Во-вторых, без глубокого лингвистического анализа те-

матической группы, представляющей составную часть лексической системы отдельного языка, невозможно успешное сравнительно-историческое исследование развития лексики как родственных, так и контактирующих языков. Причиной исчезновения исконных флористических терминов является не только замена их новыми названиями или процесс стирания диалектных особенностей в результате интенсивного развития литературного языка, как справедливо отмечает автор, но и исчезновение самих реалий флоры в связи с явлениями, происходящими в окружающей нас среде.

Прежде всего следует отметить большую работу А. С. Ефремова по сбору ценнейшего лексического материала, которая проводилась в более чем 50 пунктах с марийским населением в течение нескольких лет. Заслуживает одобрения социологическое исследование, проведенное автором в полевых условиях, с целью выяснения тенденции к сохранности фитонимов в памяти разных возрастных групп населения. Данные таблицы показывают следующее соотношение знаний фитонимов: носители языка до 18 лет — на 50%, с 18 до 55 лет — на 74%, с 55 лет и старше — на 90%.

Автор поставил перед собой следующие задачи: 1) систематизировать и идентифицировать собранные им марийские названия растений; 2) критически пересмотреть и обобщить разбросанные по разным лингвистическим источникам этимологии названий растений; 3) дать новые этимоло-

логии и установить степень участия разных по происхождению лексем в образовании сложных номинативных единиц; 4) проследить основные этапы формирования лексики флоры марийского языка и выявить внутренние и внешние источники пополнения этого слоя лексики в марийском языке; 5) определить основные принципы номинации; 6) лингвистически описать диалектные варианты наименований; 7) установить наиболее типичные словообразовательные модели фитонимов марийского языка. Все эти задачи подчинены основной цели — дать полное диахронное и синхронное описание названий растений и ягод.

А. С. Ефремов поступил, на наш взгляд, совершенно правильно, ограничившись в своем исследовании названиями травянистых растений и ягод, ибо практически невозможно охватить всю марийскую фитонию в одной работе. Названия растений и ягод составили более 800 лексических единиц. Используются синхронно-диахронный и сравнительный методы исследования. В третьей главе дан лингвогеографический анализ наименований восьми растений с применением картографического метода; основные результаты анализа фитонимов снабжены статистическим обзором, что обеспечивает достоверность выводов работы. Впервые в марийском языкознании так системно и подробно осуществлено этимологическое описание фитонимов, определены основные принципы и факторы их номинации. Более 50 флористическим наименованиям впервые дано объяснение, соответствующее современным принципам этимологизации.

Объем работы — 233 машинописные страницы, в композиционном плане она состоит из предисловия, введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы, списка условных сокращений и пяти приложений (сокращенный названий языков, диалектов, населенных пунктов, предметного указателя, списка основных информантов).

В предисловии автор обосновывает выбор темы, здесь же сформулированы цель и задачи исследования, указаны материалы, послужившие источником для написания работы, отмечена ее новизна, теоретическая и практическая значимость.

Во введении подробно излагается история вопроса и критически рассмат-

ются предшествующие точки зрения по исследуемой проблеме. До сих пор основная работа по изучению флористической лексики ограничивалась в основном фиксированием и часто без идентификации. Даже трудно было определить, о каком растении идет речь при указаниях типа «вид травы» или «название растения».

Самое значительное место как по объему, так и по содержанию занимает первая глава «Флористическая лексика с точки зрения происхождения». В ней в алфавитном порядке рассматривается 251 этимология. Это небольшая часть всех марийских фитонимов, связанных в большой степени с хозяйственной и культурной деятельностью людей. В случае сложных и составных названий А. С. Ефремов детально анализирует каждый определяющий и основной компонент, например, *кергывийшудо* 'клевер луговой' представляет сложную номинацию: *керге* 'черный дятел' [+ вуй 'голова' + шудо 'трава' (с. 43). Далее характеризуются этимология и семантическая структура всех трех компонентов и для сопоставления анализируются идентичные образования в родственных и контактирующих языках.

Такой подход позволил избежать некоторых ошибок, допущенных в ранних этимологических источниках, внести коррективы, а также дать совершенно новые аргументированные пояснения ряду этимологий. Например, в фитониме *араканулеж* 'кислица' (с. 24), где *арака* 'вино' из чув. *арак*, *аряка* то же, второй компонент *пулеж* (*пул* + суффикс *-еж*) Ф. И. Гордеев сравнивает с мордэ *пуло* 'хвост, коса, роца' (ЭСМЯ I 130), Л. И. Левитская сближает с удм. *palez', palež* 'рябина', якобы перешедшим из удмуртского языка в марийский через татарский (Левитская 1983 : 389), при этом не учитывается, что в марийском прямым соответствием удм. *pilež* выступает *пизле*. А. С. Ефремов, считая сомнительными данные этимологии, на наш взгляд, обоснованно связывает мар. *пулеж* с фин. *puola*, эст. *pohl* 'брусника', коми *пул*, манс. *pil, pol*, ур. **pola* 'ягода'.

Справедливо А. С. Ефремов критикует Ф. И. Гордеева (с. 23) при воспроизведении праформы для марЛ *вондо*, марГ *панды* 'тростинка, стебель', соглашаясь с авторами SKES, которые воспро-

изводят финно-угорскую праформу его **ronte* 'палка, ручка', а не ?**пантака*, как полагает Ф. И. Гордеев (ЭСМЯ).

Нельзя не согласиться, как нам кажется, с А. С. Ефремовым и в том, что марш *арым* 'полюнь' заимствовано из чувашского языка, а марш *äрым* 'полюнь' — из татарского, вопреки Н. Исанбаеву и М. Силаши, считавшим обе формы татарским заимствованием. Очень интересна мысль о происхождении мар. *вис-вис* 'ромашка непахучая': автор сравнивает его с удм. *бадьян весь* 'маун аптечный' при *весь* 'бусы', вопреки Ф. И. Гордееву, сравнивавшему его с чув. *вис-йопле-корак* 'название растения'. Действительно, цветы ромашки непахучей часто используются вместо бус. А. С. Ефремов прав, что мар. *вйршудо* 'зверобой' не является калькой с русского (*кровокачик*), как считает Ф. И. Гордеев, ибо подобные фитонимы могли возникнуть самостоятельно, о чем убедительно свидетельствуют названия других трав, ср. *шёршудо* 'одуванчик'.

В работе новое объяснение нашел ряд лексических элементов, ранее необоснованно возмудившихся М. Р. Федотовым (1965) к чувашскому источнику. На с. 55 А. С. Ефремов возражает М. Р. Федотову: *коршагге* 'репей' является чувашским заимствованием, а не наоборот. На с. 56, на наш взгляд, вопреки М. Р. Федотову справедливо мар. *куат* 'сила, мощь' считается татарским заимствованием, ср. тат. *куат* то же, а не чувашским, ср. чув. *хават* то же, ибо по фонетическим соображениям татарское слово более подходит. Нужно согласиться с автором также в том, что *шаргенче* 'гнида' (с. 94) в марийском языке представляет собой финно-угорское наследие, а не чувашское заимствование, как считает М. Р. Федотов.

Несомненно прав А. С. Ефремов, что мар. *пуш, пыш* 'запах' восходит к чув. *пӓс* 'запах, пар' (с. 78) и нельзя его ставить в один ряд с коми *пӧшавны* 'загореть, просушиться' и удм. *пушшыны* 'сушить, жарить', как это делают составители КЭСК. Весьма убедительно сравнение мар. *снеге, кенеге* 'земляника' с морд. *кснав, снав* 'горох' (с. 82), хотя семантически они более далеки, нежели морд. *кстый, стый, ксты* 'земляника'. Перенос значения вполне вероятен. Подобные случаи нередки.

Однако не со всеми этимологиями

автора можно согласиться, требуют уточнения и хронологические рамки некоторых этимологий. Например, *вуйдегге* 'кипрей' (с. 30, 105) вряд ли относится к финно-пермскому периоду. Это скорее позднее собственно марийское образование. Фонетически неубедительно сравнение определительного компонента *kozyра* 'шероховатый, шершавый' в фитониме *kozyрашудо* 'хвощ болотный' (с. 48) с фин. *karhea, karhakka*, эст. *kare* 'шершавый, грубый', так как вряд ли возможно звуковое соответствие *p* — *z*. Более убедительна связь мар. *kozyра* (где, вероятно, *kozy-* основа и *-ра* суффикс) с морд. *казямо* 'шероховатый, грубый', *казякадомс* 'стать шероховатым, грубым'. В этимологических комментариях А. С. Ефремов отмечает, что для марийского языка не характерен звукопереход **δ > л* (с. 50). Вряд ли можно согласиться с этим при наличии соответствия ф.-у. **δōte* 'черемуха', мар. *lomb̄, lombo, lom̄p̄* (**lom* † *pu*) то же (SKES 1408).

Слово *каза* 'коза' (с. 40), на наш взгляд, по фонетическим соображениям лучше отнести к татарским заимствованиям, нежели к чувашским; *кӱнчыла* 'кудель' вряд ли можно считать прямым древнерусским заимствованием в марийском языке, оно скорее всего вошло через болгарский язык. Здесь с М. Рясененом соглашаться нельзя.

Этимология слова *мерагг, морен* 'заяц' требует тщательного анализа, ибо сравнение его с удм. *лудкеч* 'заяц (букв. полевая коза)' не говорит еще о его собственно марийском происхождении. Вряд ли в этом слове можно выделить элемент *мӱ, ме* 'земля'. На наш взгляд, оно табунистического происхождения и сравнимо с монг. *морин* 'лошадь'.

Слово *незер* 'бедный' нельзя выводить из *начар* 'плохой', ибо они параллельно сосуществуют в одном и том же диалекте. А. С. Ефремов считает, что этимология мар. *пырыс* 'кошка' не ясна. Нельзя ли его сравнить с тюркским *барс* 'барс'? Очень сомнительно, что *сорла* 'серб' проникло в чувашский язык из марийского языка (с. 81). Этимология мар. *шинчал* 'соль' (с. 96) не полная. Здесь, по нашему мнению, нужно усматривать сложное слово: *сан, шин-* 'соль', ср. осет. *сӕнхӕ* 'соль' † *-зал, -чал* 'соль', индоевроп. **salē* 'соль'.

Весьма ценен в рассматриваемой главе статистический подсчет процентного соотношения иноязычных и собственно марийских элементов в образовании фитонимов. Таблица свидетельствует о том, что собственно марийские элементы, включая уральские и финно-угорские, в образовании фитонимов занимают первое место.

Во второй главе «Принципы номинации травянистой и ягодной флоры» прежде всего кратко описывается сущность процесса номинации как ономастического аспекта языка. А. С. Ефремов акцентирует внимание на отдельных способах номинации, используя при этом метод ономастиологической типологии разных тематических групп, а также одной группы в разных языках или говорах одного языка. Учитывая многообразие факторов, обуславливающих процесс номинации, подробно классифицируются ее принципы. В результате анализа собранного материала автору удалось выделить 14 принципов наименования. Сюда относятся морфологические признаки растений (*йолванишудо* 'метлица, пырей', букв. 'трава с кистью, бахромой'), цвет (*парынзывуй* 'купальница', букв. 'желтая голова'), место произрастания (*кожмёр* 'марешки', букв. 'еловая ягода'), вкусовые свойства (*мйвйй* 'яснотка пятнистая', букв. 'медовая голова'), лекарственные свойства (*шыгымышудо* 'чистотел') и т. д. Систематизированы наименования по запаху, звуку, времени цветения и роста, по пригодности для человека, по народным поверьям и обычаям. При описании принципов номинации А. С. Ефремовым широко использованы данные родственных языков (финского, эстонского, мордовских, коми).

Хотелось бы добавить к мотивации наименования *пызлышудо* 'пижма', кроме листьев, напоминающих листья рябины, и соцветие, напоминающее кисть рябины. В основе названия *оксашудо* 'погремок большой' вряд ли в марийском языке лежит его способность издавать звук. По-видимому, здесь нужно усматривать морфологический признак. Так же и с *мйкшудо* 'будра плюшевидная' и *мйкшпеледыш* 'мелиса' (с. 133) — в основе наименования лежит не признак вкусовых качеств названных растений, а способность их привлекать пчел.

Третья глава «Варианты названий растений и их распространение в говорах

марийского языка» посвящена анализу диалектных вариантов фитонимов и выявлению семантических полей. С целью выяснения основных источников возникновения многочисленных диалектных синонимов автор рассмотрел восемь микросистем путем картографирования их. Подобный анализ в марийском языкознании произведен впервые и дал весьма интересные результаты. Основной причиной возникновения диалектной синонимии в названиях травянистых растений и ягод является, как правильно отмечает А. С. Ефремов, наличие многообразия признаков и свойств, присущих каждому растению. Есть и другие факторы — метафоризация, языковой контакт и т. д. Однако встречаются и семантические модели, присущие всем марийским диалектам. Они, очевидно, более древние. Основным достоинством третьей главы несомненно являются карты-схемы ареалов распространения вариантов флористических названий. В связи с этим у рецензентов имеется пожелание автору: продолжить лингвогеографическую работу по данной проблеме, в результате чего каждый фитоним найдет свое отражение в идентичной карте-схеме.

В четвертой главе «Структурно-словообразовательные модели наименований растений» рассматриваются особенности словообразовательной структуры фитонимов. Описание материала проводится в синхронном, а в ряде случаев и в диахронном плане. Выясняется, что флористическая терминология образуется такими способами, как суффиксация, синтаксический (словосложение) и семантический (перенос значений), причем суффиксация весьма ограниченно используется при образовании фитонимов: 3% всех названий травянистых растений и ягод. Этот «недостаток», как отмечает автор, компенсируется функционированием сложных и составных фитонимов, составляющих 86,8% всех зафиксированных названий. Следует отметить, что данное явление характерно и для других финно-угорских языков (мордовских, финского, эстонского и коми).

Работа послужит базой для дальнейшего изучения лексической системы марийского языка прежде всего в лингвогеографическом аспекте.

И. С. ГАЛКИН (Юшкар-Ола),
М. В. МОСИН (Саранск)